

## СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

Весной на Каннском фестивале Кшиштоф Кесьлевский объявил, что уходит из кино. Новость поразила всех — 53 года, не рано ли на пенсию? Тем более, что талант режиссера явно на взлете, его фильмы получают премии престижных фестивалей, имеют успех, прекрасные рецензии, признание зрителей.

В новом номере французского журнала «Студия магазин» журналистка Катрин Вимфен беседует с постановщиком.

— Извините, но первый вопрос только такой: почему вы уходите из кино?

— Просто потому, что мне больше не хочется этим заниматься.

— Значит, «Красный» — ваш последний фильм?

— Надеюсь. Я отвечаю за свою жизнь и свои слова. Но мне столько раз доводилось видеть, как ответственные люди становились безответственными. Все может приключиться.

— Всем кажется странным, что вы решили прекратить кинокарьеру в тот момент, когда ваше творчество имеет огромный успех. Может быть, именно это вас насторожило?

— Нет-нет. Я просто задал себе вопрос — хочется ли мне продолжать? Ответ — нет. В любом случае лучше уйти в тот момент, когда это удобно тебе, а не тогда, когда складывается плохая ситуация.

— Кажется, году в 1984-м вы уже заявляли, что хотите уйти из кино.

— Да. Именно тогда я начал об этом серьезно задумываться. Но в то время это было невозможно, мне не на что было жить. Я хотел стать режиссером, но денег на покупку машины не было.

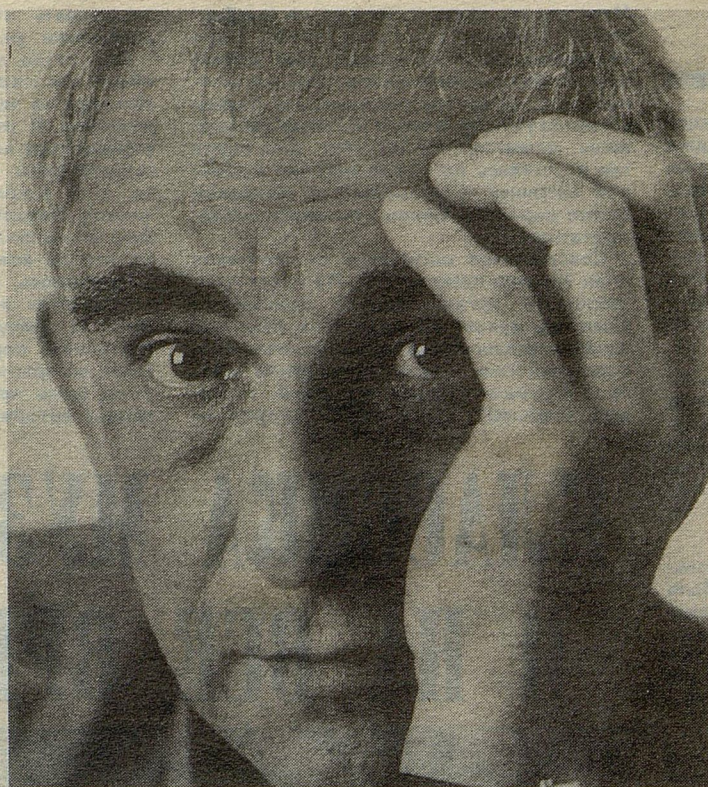
— Вы хотите сказать, что все эти успехи за последние десять лет, все эти премии, награды — были средством заработать достаточно денег, чтобы больше не снимать?

— Да, именно. Но это не значит, что мне не хотелось рассказывать те истории, что я рассказывал.

— Каким вы представляете себе будущее? — Собираетесь читать лекции по теории кино, организовать собственную школу, просто жить в уединении и ничего не делать?

— Говорить о кино? Наверное, придется, но я не хотел бы увлекаться. Это тоже довольно скучно, не хотелось бы превращать подобное занятие в каждодневную работу. Мне хотелось бы время от времени встречаться с молодыми коллегами. Поговорить, возможно, помочь, если будет чем. Может быть, буду писать сценарии, если меня попросят.

— Один? — Возможно, с Кшиштофом Песевичем, мы уже привыкли. — А интересно ли ему будет писать сценарии, если вы не будете их снимать?



Кшиштоф КЕСЬЛЕВСКИЙ:

## «ПОЧЕМУ Я УХОЖУ»

— Думаю, интересно. Когда сочиняешь вместе с кем-то, это своеобразный вызов друг другу. Мы привыкли думать о фильме, который из этого получится. Интересно, что будет, когда ситуация изменится. Наверное, получится что-нибудь другое.

— Когда вы начинали кинокарьеру, вам все говорили, что кино не для вас. Вам не удалось попасть в кинешколу в Лодзи, ваша мать вас заклинала не идти в кино. Но теперь все говорят, что вы созданы для кино, а вы решили бросить это дело. Вы всегда делаете все наперекор советам?

— Я всегда делал одно и то же. Я рассказывал свои истории. Сам был себе судьей. Сейчас у меня удобная ситуация, я имею возможность выбирать. Снимать или нет.

— В восточных странах, особенно в России, сейчас снимают фильмы, в которых жизнь рассматривается под метафизическим углом зрения. Вам трудно было снимать подобные сюжеты в западных странах, на западных деньги?

— Нет. Кстати, полагаю, что в тех фильмах, которые я снял на Западе, больше метафизики, нежели в тех произведениях, что снимались в Польше.

— Разумеется, но раньше ваша метафизика была неотрывна от реальности, а начиная с «Двойной жизни Вероники» вы несколько отошли от канонов реализма.

— По двум причинам. Во-первых, я сделал это сознательно, потому что реальность, и прежде всего ее политический аспект меня больше не интере-

суют. Социальные проблемы — тоже. Сейчас меня интересуют личности. Все остальное исчезло. Слово я выбираю все более и более мощный объектив для камеры, чтобы снять портрет как можно четче, а все окружающее выходит из фокуса, расплывается, теряет очертания. Это во-первых, а во-вторых, что тоже довольно очевидно, я, хорошо зная польскую реальность, почти не знаю реальности французской. Хотя я живу здесь уже много лет, я не знаю, что есть французская душа, чем живет Франция, и мне ничем не заполнить этот пробел. Я могу изучить рационально вашу жизнь, но не могу прочувствовать ее эмоционально.

— Какие чувства вы ощущаете при мысли, что люди с удовольствием смотрят ваши фильмы?

— Я не уверен, что мои фильмы доставляют удовольствие. Но дело даже не в этом. Лучше всего об этом сказал Жан-Луи Трентиньян: я научился снимать оптимистичные фильмы, но это не значит, что в моей душе есть место оптимизму.

— В 1989 году вы говорили, что скорее останетесь в Польше, не имея возможности снимать, нежели отправитесь работать за границу. Что заставило вас изменить решение?

— Я так сказал? Ну, может быть. Думаю, в то время я даже не представлял, что для меня могут открыться такие возможности. Наверное, я защищал себя от предполагаемого успеха за границей. А когда передо мной раскрылись все эти пути, я выбросил защитную маску и

снял несколько лент на Западе. В Польше — по крайней мере, раньше, — существовало представление о западном кино, как об огромном коммерческом конвейере, который пережевывает и выплевывает каждого творца. Мы верили, что капиталистические студии губят в режиссере личность, заставляя снимать то, что ему не нравится, зато нравится большинству зрителей. Но когда я попал на Запад, встретил людей, которые предложили мне полную свободу снимать все, что мне интересно. Образ «капиталистического молота» оказался насквозь фальшивым.

— Значит, вы стали жертвой коммунистической пропаганды?

— Не только. Я был убежден, что мир устроен именно так. Во многом западный кинобизнес действительно похож на конвейер, но существуют и обходные пути. Мне очень повезло: нашлись люди, которые хотели со мной работать. Это они меня нашли, а не я их. И фильмы, которые я снял на Западе, сделаны за рамками системы больших студий.

— Раньше вы говорили, что не любите конкурсов, фестивалей и вообще соревнования в искусстве. Три ваших последних фильма представлены на фести-

валях. Вы переменяли мнение или таковы были условия контракта?

— Условия контракта. Это необходимо для рекламы фильмов. Я был вынужден согласиться, но мне по-прежнему это не нравится, хотя я знаю, что прокатная судьба фильма, показанного на фестивале, будет более успешной. Все равно кто-то скажет, что у фильма был шанс завоевать приз и так далее.

— Вы смотрели остальные фильмы, представленные на Каннском фестивале?

— Нет. Не хочу. Мне бы хотелось посмотреть только Моретти и Кьяростами.

— Вы часто ходите в кино?

— Вообще не хожу. Я не киноман. Если мне нужно посмотреть фильм для работы, я смотрю. А так — нет. Например, через два дня мне выступать в Вене на семинаре, говорить о фильмах «Пианино» и «Нежелательный ребенок» Фриза.

— И что же вы скажете?

— «Нежелательный ребенок» мне понравился. «Пианино» — нет. Красивая история, в фильме есть красивые моменты, но мне это неинтересно. Сама героиня Холли Хантер мне скучна; я даже не хочу знать, победит она или нет. Уж лучше бы она умерла. Нет, не хочу говорить об этом фильме.

— В «Красном» незримо присутствует та же тема раздвоения, что и в «Двойной жизни Вероники». Вас привлекает теория, по которой все люди так или иначе связаны между собой?

— Я снял немало фильмов, где эта тема не всплывает. В «Двойной жизни Вероники» это дей-

ствительно стало стержнем сюжета, но в «Красном» вопрос стоит иначе: «Нужно ли жить так, как живется, или можно найти более интересный путь в жизни?»

— Таков же и сюжет «Случайности».

— Нет, в «Случайности» вопрос поставлен иначе: зависит ли то, где мы находимся, от нас, или от игры случая? Думаю, местонахождение человека — игра случая. От личности зависит только состояние души. Можно быть мошенником, можно — полицейским.

— В ваши фильмы просачиваются элементы вашей личной жизни?

— Да, много, но я никогда никому не скажу, какие именно. В любом случае я не снимаю автобиографические фильмы. Меня не увлекает снятие штатов на публике. Этим занимаются актеры.

— Вы предпочитаете прятать-ся за их спинами?

— Да, потому что они играют персонажей, они могут отстраниться от происходящего. Поэтому актер, как ни странно, может подойти ближе к герою с

## ИЗ КИНО»

меньшим риском для себя.

— Каковы, по вашему мнению, ваши козыри в режиссуре?

— (Долгое размышление). Думаю, их два. И оба так или иначе стоят на доверии. Во-первых, доверии к зрителю. Я уважаю моего зрителя и верю, что он так же умен, или даже умнее меня, и ему не нужна жвачка. Поэтому, когда я снимаю, монтирую, озвучиваю фильм, я не перестаю думать. И второе — доверие к людям, с которыми я работаю. Актеры, продюсер, главный оператор, осветители, композитор, ассистенты. И благодаря этому доверию они знают, что должны работать как можно лучше. Они работают не для меня, а для фильма. Это с моей стороны не прием, а стиль жизни. Вообще. Я доверяю людям, и это вознаграждается.

— Ваши ответы слишком просты. Может быть, это специально подготовленные для журналистов отговорки?

— Нет. У меня нет особых ответов для прессы. Просто стараюсь говорить правду. Не всю правду, это невозможно, но стараюсь передать мою точку зрения на вещи. Я не плутую.

— Но, может быть, вы передумаете, и снова вернетесь в кино?

— Нет-нет. Я специально громко заявил об этом на весь мир, чтобы у меня не было пути назад.

— Лучше бы вы, вместо того, чтобы бросить кино, бросили курить!

— Нет уж, курить мне нравится!

По материалам агентства «Интермедиа».